



НЕВОЗМОЖНО УСТОЯТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Юлия Гауф

18+

Юлия Гауф

Невозможно устоять

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69939304

SelfPub; 2023

Аннотация

Что может быть общего у невезучей студентки и строгого преподавателя? На первый взгляд – только учёба, ведь параллельные не пересекаются. Я – любимица всей семьи, наследница громкой фамилии, и мечтаю, чтобы дедушка – знаменитый учёный – мной гордился. Корней Ветров – новый преподаватель по ненавидимому мной предмету. У меня в анамнезе строгая семья и правильный жених. У него – много работы и невысокое мнение обо мне. Но один несданный зачёт и одно неприличное предложение – и наши параллельные пересеклись.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юлия Гауф

Невозможно устоять

Глава 1

– Корней Андреевич, можно? – я вошла в кабинет, остановилась и как можно более обаятельно улыбнулась. – Я на пересдачу.

– Присаживайтесь, – мужчина глазами указал на стул напротив своего стола. – Вы?..

– Сафарова Севиль. Группа ФМ-309.

Пока я представлялась, я не прекращала улыбаться и источать солнечность. Не зря говорят: улыбайся, и люди к тебе потянутся. И я бы очень хотела, чтобы Корней Андреевич потянулся к моей зачётке, и черкнул в ней то, что мне нужно!

– У меня были некоторые проблемы с неравновесной термодинамикой, – бодро пояснила я, изящно перефразировав честное и ёмкое: в этом предмете я полный ноль. – С Николаем Федоровичем я созванивалась на каникулах, и мы договорились, что я окажу некоторую помощь родной кафедре. Он же передавал вам? Вот, – наклонилась, и принялась доставать из пакета свои дары, – методички распечатала с запасом, бумагу для принтера купила, и тут еще...

– Стоп, – Корней Андреевич слегка нахмурился. – Се-

виль, может, вы присядете?

Может, и присяду. Но не хотелось бы. Но я тихо вздохнула и подчинилась.

– Я правильно вам понял: вы предлагаете поставить вам зачёт за... это, – преподаватель пренебрежительно кивнул на огромную стопку бумаг, которую я, между прочим, еле дотащила до кафедры. – И утверждаете, что договорились с моим предшественником. Так?

– Договорилась, – кивнула я, и торопливо уточнила: – Это же не взятка! Николай Федорович взял с меня честное слово, что предмет я выучу. Просто чуть позже. Вдумчиво, основательно, фундаментально. Сказал, в сентябре поставит зачёт за четвертый семестр, и... – я вздохнула, искренне печалась из-за срочного переезда Николая Федоровича в Канаду.

Не мог что ли, как обещал, принять взятку, поставить зачёт, и уже после этого к сыну переезжать на ПМЖ?! Или хоть пораньше бы предупредил, что уволился, я бы постаралась выучить эту дурацкую неравновесную термодинамику летом. А то я же понадеялась, расслабилась, а как каникулы закончились, так и узнала, что Николай Фёдорович улетел, и вернуться не обещал.

И теперь вместо шестидесятилетнего милого, рассеянного Николая Федоровича у нас преподаёт буравящий меня высокомерным взглядом тридцатичетырехлетний Корней Андреевич Ветров.

Говорят, его отец – тот самый Ветров. Член-корреспон-

дент РАН.

Говорят, Корней Андреевич еще во время учёбы в аспирантуре свой бизнес создал, и после защиты кандидатской и не думал нести студентам доброе и вечное. Но ректор очень уж просил. А лучше бы не просил. Лично я бы прекрасно обошлась в этом году без таких подлых сюрпризов, как новый преподаватель.

А еще немногочисленные девчонки нашего курса о Корнее Андреевиче говорят. Так много говорят, да еще и с придыханием, что даже бесят. Нашли в кого влюбляться – в представителя вражеского лагеря, да еще и в не самого молодого. Ему же целых тридцать четыре года!

– ... вы меня слушаете? Севиль?

Ой!

– Да, – закивала я, хотя не слышала ни словечка. И Корней Андреевич, кажется, это просёк. – А вы можете повторить? – сдалась я.

– Макулатуру заберите. Готов принять у вас зачёт.

– Вот, – зачётку я сжимала в ладони, и радостно шлёпнула её на стол преподавателя.

– Не нарисовать, а принять, – лицо Корнея Андреевича осталось суровым, как воплощение российской науки, но глаза насмешливо сверкнули. – Термодинамику вы не сдали еще весной, а значит, у вас было всё лето, чтобы подготовиться. Вы же давали Николаю Федоровичу честное слово?

Я неуверенно кивнула, предчувствуя катастрофу.

– Готовились? Вот и отлично. На взятках сэкономите, – хмыкнул преподаватель. – Севиль, сформулируйте принцип Кюри, и расскажите о его роли в неравновесной термодинамике.

Улыбка окончательно стекла с моих губ. Ох, Николай Федорович, как же вы подставили меня своим переездом!

Так, Севиль, думай! Принцип Кюри... Кюри – которая Мария, или его Пьер Кюри сочинил? Что делать-то? Так, ладно, рискну, налью воды, авось прокатит.

– Принцип Кюри создал...

– Сформулировал, – поправил меня преподаватель, и я убедилась, что я права, этот принцип всё же Пьер Кюри придумал.

– Сформулировал Пьер Кюри. А Пьер Кюри, как известно, был выдающимся французским учёным. Он родился... – вот это я знаю, это я помню, биографии рассказывать у меня отлично получается. Сейчас расскажу про Пьера Кюри, а про саму термодинамику, если повезёт, Корней Андреевич забудет. Или ему надоест меня слушать, что тоже вероятно.

Но преподаватель слушал. Даже кивал в нужных местах, воодушевляя меня. Зачёт у меня почти в кармане. Ну, то есть в зачётной книжке. И перед дедулей краснеть не придётся, а то он же не переживёт, если узнает, что его любимая внучка-отличница какую-то несчастную неравновесную термодинамику сдать не может.

– Вот, – выдохнула я, закончив свой рассказ, и снова улыб-

нулась, правда не так обаятельно, как пятнадцать минут назад.

– Отлично. Ораторское мастерство у вас на высоте, Севиль. А теперь ответьте на тот вопрос, который я задал, – улыбнулся Корней Андреевич, он, видимо, тоже знает о принципе: улыбнись, и люди к тебе потянутся. Вот лично я бы как потянулась, как взяла его за грудки, и потрясла бы как следует, моля, чтобы зачёт мне поставил и прекратил издеваться!

– Принцип Кюри – это такой принцип... основополагающий в изучении неравновесной термодинамики, и... его роль очень важна, – пропищала я и опустила глаза.

Позорище какое!

– Подготовьтесь получше, и приходите в пятницу на консультацию. Можете идти. И это, – кивнул Корней Андреевич на гору бумаг, – заберите.

– Это подарок, – буркнула я, подорвалась со стула, и побежала к двери, чуть ли не плача. У выхода я резко развернулась, подбежала к преподавательскому столу и, не глядя на Корнея-гада-Андреевича, схватила свою несчастную зачётку. А затем, наконец, вылетела с кафедры, и уже в коридоре всхлипнула.

Только бы успеть дойти до туалета, и уже там, в кабинке, разрыдаться! Как же я ненавижу эту термодинамику, кто бы знал! Но знать никто не должен – вот в чем соль.

– Севиль, мы в кафе, с нами идёшь? – окликнули меня

девчонки, стоящие у подоконника.

А я надеялась, что никто не увидит меня рыдающей из-за несданного зачёта. Но не судьба, одногруппницы тусуются рядом с кафедрой.

– Я... нет, – пробормотала, и зря я это сделала, слезы всё же полились.

– Севилька, ты чего? Ну? – Стася и Тоня подбежали ко мне, кто-то из девочек даже приобнял меня за плечи, но кто именно я не увидела, лицо в ладонях спрятала. – Ты с кафедры? Опять не сдала?

Я закивала.

– Идём в кафе. Я тоже не сдала, кстати. Ну и чего ревёшь, не первоклашка же, чтобы из-за оценки страдать? Идём, идём, обедать пора, потом порыдаешь.

Ай, много вы понимаете, – хотелось мне топнуть ногой.

Всю дорогу до «Итальянского пекаря» я пыталась успокоиться, и перестала шмыгать носом только тогда, когда мы втроем уселись за столик у панорамного окна, как раз напротив нашей альма-матер.

– Ветров вышел. Такой красавчик! – просюсюкала Тоня, глядя в окно.

Я тоже взглянула, и увидела своего недруга, идущего к парковке.

– Ммм, зайка! Я бы ему дала.

– Только он бы не взял, – фыркнула Тоня, и они со Стасей рассмеялись.

– Этот ваш зайка мне зачёт не поставил, хотя мы с Николаем Федоровичем договорились, – буркнула я.

– Так Фёдорыч-то тю-тю, уволился. Да ладно тебе, расслабься. Вообще не понимаю трагедии, – Стася отложила меню и чуть склонилась над столом. – Это у нас с Тоней проблемы могут быть из-за учёбы, мы-то не из столицы, в общаге живём. Не сдадим хвосты до конца сентября – и всё: выселение, отчисление, дорога в Сибирь. А ты местная, богатенькая. В школе медаль была золотая, поступила без проблем. И термодинамику ты сдашь, отличница ведь. А даже если не сдашь, даже если вдруг вылетишь из универа – не пропадёшь, с твоей-то семьёй. Нам бы твои проблемы, Севиль, вот честно.

С Тоней и Стасей подругами мы не стали. На первом курсе девочек было больше, но к третьему нас осталось трое, Тоня еще в начале учёбы сдружилась со Стасей, а мои подруги перевелись на другой факультет. Да, подругами мы не были, но сейчас мне просто необходима поддержка, и потому я призналась:

– Девочки, да мне же оценки ставят из-за фамилии. Я не то что термодинамику, я даже элементарную физику слабо понимаю!

Уф, сказала, и мир не рухнул.

– Да ты гонишь, – Тоня закатила глаза, пока Стася делала заказ официанту.

– Если бы, – вздохнула я.

Нет, вообще, я умная. Только не во всём и не всегда. В школе я опережала программу, пока у нас не появилась геометрия. Но благодаря хорошему поведению и знаменитой фамилии моих дедушки и папы, красующихся на многих учебниках, мне всегда ставили «отлично». И на родительских собраниях хвалили.

– А ЕГЭ? – округлила глаза Стася.

– Вызубрила, сдала и благополучно забыла всё вызубренное через неделю, – пожалала я плечами.

– Так тебя родня заставила на физмех поступать?

– Не совсем, – я наверное сотый раз за день вздохнула, если не тысячный. – Дедушка – учёный, папа – тоже, патенты у них, изобретения, открытия. Мама в НИИ трудится. У родителей нас трое, я – самая младшая. Старший брат не пошел в науку, хоккеистом стал – дедушка расстроился, но пережил, на Айшу, мою старшую сестру понадеялся. А та моделью стала, по подиуму ходит! Если бы еще и я взбрыкнула... – я не договорила, и снова тяжело вздохнула.

Мне так хотелось, чтобы родители гордились мной. И, особенно, дедушка – он всё детство со мной возился, столько меня научил. Так обидно за него было, когда мои брат и сестра так нехорошо поступили. Айша хоть на бакалавра отучилась, а Тимур вообще университет бросил. Ну как я могла подвести семью?!

– Я понимаю что учёным мне не быть, не дано, но университет закончить, и кандидатскую защитить я обязана. И если

меня отчислят с третьего курса – будет позор! А меня отчислят, я эту треклятую термодинамику, кто вообще её придумал, никогда не сдам!

Выговорила. Выдохнула. Стало легче, но совсем немного.

– Да ладно тебе, – неуверенно брякнула Тоня, – ну походишь к Корнею на пересдачи, рано или поздно поставит он тебе зачёт. Не качеством информации бери, а количеством пересдач. Рано или поздно он устанет, и распишется в зачётке. Или поговори с дедом своим, пусть позвонит на кафедру, и...

– Нельзя, – я замахала руками, – ты что? Вся семья думает что я гениальна. Если узнают, что у меня со второго курса хвост – кошмар будет!

– Кстати о хвостах, – Стася вдруг улыбнулась, – я же на кафедре экономики предприятий подрабатываю. У экономистов целая группа студентов из Африки, и они всей группой ректору на макроэкономичку пожаловались. Знаете за что? За то что она их обезьянами назвала.

– Seriously? Обезьянами? Она пьяная была? – я против воли улыбнулась.

– Она им сказала, что до конца сентября они должны сдать хвосты, – расхохоталась Стася. – Но иностранцы сленг плохо понимают, и решили что макроэкономичка – расистка. Ишь, обезьянами обзывается.

Мы с девочками переглянулись, и рассмеялись. Вот те-

перь мне даже полегчало. И почему мы не дружили раньше? Я даже думала, что Тоня и Стася меня недолюбливают, а они-то нормальные.

– И, кстати, у меня по термодинамике тоже хвост, – добавила Стася, отсмеявшись. – Из-за работы учиться не успеваю толком. Но! – подняла она указательный палец, – я пораспрашивала у знакомых про Корнея Андреевича: берёт ли взятки, как ему можно сдать, туда-сюда... и-и-и-и... – протянула девушка интригуяюще.

– И-и-и-и? – поторопила я.

– Короче, не знаю, может мне и наврали. В общем, я общалась с девчонками, которые к нему на работу устраивались на не особо важные вакансии. Знаете, как он принимал на работу? Красивой девчонке стоило просто показать сиськи – и она принята. Может, это и зачётов касается.

– Врут, – уверенно припечатала я. – Ветрова ректор уговорил у нас преподавать потому что он умный. А умный мужик вряд ли соотрудниц на работу будет брать, посмотрев на их голые груди, сейчас в них недостатка нет, необязательно трудоустраивать. В общем, ректор идиота бы не пригласил преподавать. Не верю.

– Почему сразу идиота? Молодого мужика, облеченного властью, всё логично, – пожалала Стася плечами. – Приходят к нему на собеседование пять умных девчонок: четыре отказались показывать сиськи, а одна согласилась, вот он – конкурсный отбор. Может и с зачётом прокатит.

– Стась, ну хватит, – я рассмеялась. – Глупости какие. Либо тебе те девочки, с которыми ты разговаривала, наврали, либо ты нас сейчас разводишь.

– А вот и не развожу. Ты в пятницу на пересдачу пойдешь?

– Да.

– Я тоже.

– И?

– И дам Ветрову то, что он хочет, – Стася выпятила грудь. – Ему мне в кайф показать, и даже дать потрогать, и не только грудь.

– Ну-ну.

Я хихикнула, представив дурынду, которая может возомнить, что с помощью демонстрации груди зачёт получит, и идиота-препода, который за *это* поставит зачёт, рискуя репутацией. Я, хоть и не гений в термодинамике, но и не дура. Однако, девчонки меня повеселили.

Ладно, буду учить, что еще остаётся.

И я учила. Вернее, пыталась учить. Я честно открывала учебник, честно начинала читать, но через пару абзацев прочитанного смысл от меня ускользал. Тогда я меняла тактику: читала вслух, конспектировала прочитанное на бумаге, и... никак. Нет, что-то, конечно, мне далось, и принцип Кюри у меня от зубов теперь отскакивает, но он мне дался на кураже здоровой злости. А в остальном...

В остальном я больше времени потратила, поминая Николая Федоровича иногда добрым, а иногда и не очень, сло-

вом. В Канаду он перебрался, угу! Где, спрашивается, патриотизм?!

Всю пятницу я мандражировала. На лекциях и на обеденном перерыве пыталась зубрить трижды проклятую термодинамику, а затем как на казнь поплелась на кафедру, где у двери стояла Стася и еще один хвостатый должник.

Отряд неудачников.

– Я первая, – вздернула Стася подбородок.

– Дамы вперед, – прогундосил двухметровый Антоша Пятницкий. – Севилька, пропускаю.

А, перед смертью не надышишься! Может, Ветров сжалится, и снова спросит про принцип Кюри. Должно же мне повезти!

Про стратегию «покажи сиськи» я благополучно забыла, и вспомнила лишь когда Стася подмигнула мне, и вошла на кафедру.

Нет, она же не может? Она пошутила, точно! Или её обманули! А если Стаська покажет Ветрову грудь? Этот хлыщ явно много грудей видел, судя по его экстерьеру. Он Стасю с позором из кабинета прогонит... если она не передумала так рисковать. Ох, надеюсь, Стасе хватит ума не делать глупостей.

Однотруппница вышла в коридор через десять минут, одергивая блузочку. Раскрасневшаяся, улыбающаяся... с зачёткой в руке...

Не может быть!

– Стась, – подошла я к ней, – только не говори что...

– Зачёт, детка, – она подмигнула, и открыла её передо мной, а там всё как надо: дата, подпись, божебожебоже! – Я же говорила! Иди, твоя очередь. Удачи. Лифчик, надеюсь, секси?

Я не ответила. Медленно пошла к кабинету, клянясь, что ни за что... никогда... Это же за гранью добра и зла: ради спокойствия дедули преподавателю грудь демонстрировать, кошмар какой! Нет, мне обязательно повезёт с вопросом, я отвечу, получу зачёт, куплю себе синнабончик и поеду домой.

Да я и не решусь на подобное – предложить показать грудь...

Но, сама не понимаю, как так вышло, в итоге я именно это и сделала – предложила.

Глава 2

А день, кстати, начался вполне мирно. Ничего не предвещало беды.

Проснулась я с книгой на животе – перед сном я читала свою «любимую» термодинамику, и она оказалась отличным снотворным. Затем была зарядка, тропический душ, под которым я стояла и мечтала...

... а вот как войду на кафедру сегодня! И на Корнея Андреевича взгляну серьезно, улыбаться ему не стану, вот еще. Обойдётся! Улыбки нужно дарить хорошим людям. А он – ну ни капельки не хороший тип. Иначе не стал бы так насесть с несчастным зачётом.

И вот, войду я на кафедру, взгляну на преподавателя серьезно, и Корней Андреевич задаст мне вопрос по термодинамике – разумеется, в его глазах будет насмешка, и весь его вид будет воплощать снисходительность. Мол, ну давай, позорься, Севиль, а я посмеюсь над тобой, и отправлю на еще одну пересдачу. А я возьму, и отвечу на его вопрос! Причем, блестяще отвечу! Настолько блестяще, у Корнея Андреевича рот от удивления приоткроется.

Но он, нехороший человек, задаст мне уточняющий вопрос, чтобы завалить. А я и на него отвечу, да! И задачу решу в уме, мне даже бумага не потребуется, чтобы её расписать...

На этом моменте я ненадолго выпала из своих фантазий,

вздохнула: я и на бумаге-то задачи не как семечки щелкаю, а уж в уме – ум мне не для термодинамики нужен. Ай, – поджала я губы, – неважно! Задачи, вопросы... в общем, я настолько гениально отвечаю на все каверзные вопросы Корнея Андреевича, что он сменит снисходительное отношение ко мне на глубочайшее уважение.

– Севиль, вы ведь внучка того самого Давида Аразовича Сафарова? – спросит он. – И дочь Самира Давидовича?

– Да, – кивну я снисходительно.

Корней Андреевич округлит глаза, поднимется со стула, и я, так и быть, тоже встану.

– Вы – достойная дочь своей семьи. Я должен был поставить вам зачёт автоматом. Видимо, в прошлый раз вы просто разволновались, потому и не ответили на мой вопрос. Я был неправ. Севиль, вы можете не ходить на те предметы, которые я веду, вы знаете их лучше, чем я. Экзамены и зачёты будут вам проставлены. Позвольте пожать вам руку в знак уважения, – скажет он.

И я пожму. И, может быть, даже улыбнусь ему в знак своего прощения.

Так, стоп! – снова выпала я в реальный мир. – А почему только по предметам Корнея Андреевича у меня будут автоматы?..

– Я поговорю с коллегами, – я так ясно представила, как Корней Андреевич скажет это, буквально увидела, – и они последуют моему примеру: вас не станут отвлекать подго-

товкой к зачётам, экзаменам. Абсолютно точно, вам не нужно тратить время на такую ерунду. Вы, Севиль, должны отцу и деду помочь!

– Да, – простонала я.

Так бы и стояла под душем часами. Очень уж приятно представлять, как всё может быть!

– Севиль-ханым, айда завтракать, – мама, не потрудившись постучать в дверь, вошла в комнату.

– Не хочу, – мне кусок сегодня в горло не полезет от волнения. – И я сейчас снимать буду.

– Блог свой? – мама села на кровать, с любопытством разглядывая мои нехитрые приспособления для съёмки: штатив, телефон, свет – всё очень маленькое, непрофессиональное, ведь мой быюти-блог – тайна от мужской части нашей семьи. – А что снимать будешь?

– Подпишись на мой канал, и узнаешь. Макияж, – сдалась я со смехом. – Я подписчикам обещала показать как накраситься без кисточек, спонжей, ватных палочек. Пальчиками.

– Можно посмотреть? Я на кровати посижу, меня не видно будет.

– Мам, я стесняюсь.

– Чужих людей не стесняешься, а мать родную сесняешься?

– Ой, сиди, – проворчала я.

– Ой, спасибо, моя щедрая дочь.

– А папа?

– Уехал уже, – мама обиженно поджала губы. – Мне, главное, говорит: увольняйся, отдыхай, дома сиди, а сам даже отпуск взять раз в пару лет не хочет. Я как вампир бледная хожу, солнца не вижу.

Пока я одевалась, и раскладывала на столе косметику, мама жаловалась на трудоголика-папу, сильно увлекаясь: вот уже два года без отдыха на море превратились в возмущенное: «твой папа никогда не возил меня отдыхать!».

– Мам, так возьми и купи путёвку, и папе подари.

– Так он её и примет. Скажет: иди, Ксения, возвращай её. Хотя, – мама хмыкнула, скрестив руки на груди, – а почему это я должна её сдавать? Куплю и скажу: едем, и точка!

– И ногой топни. Или кулаком по столу, – я в красках представила описанное мамой будущее, что не смогла удержаться.

– И топну. И хлопну, – воинственно заявила мама. – А то сколько можно?!

Отсмеявшись, я включила на телефоне запись и, убедившись что картинка хорошая, и я в фокусе, принялась наносить макияж, параллельно комментируя каждое своё действие.

– ... вы скажете, что стрелки невозможно нарисовать пальцем? Я скажу что вы ошибаетесь! Можно, и даже нужно, особенно если у вас проблема с ровными и одинаковыми стрелками. Возьмите карандаш, и сделайте на указательном пальце жирненькую точку. Вот так, от души, – я выста-

вила перед камерой указательный палец с коричневым свот-чем карандаша для век. – А теперь просто ведите пальцем по направлению к внутреннему уголку глаза. Смотрите, какая красота получилась: ровно, плавно, сразу с растушёвкой. Прodelываем то же со вторым веком, и... але-оп! Всё гениальное – просто!

Я так увлеклась макияжем и общением со своими зрителями, что чуть про время не забыла. Но вовремя вспомнила, и решила не усложнять макияж, обойдясь нюдовым.

– Вот и всё, дорогие мои. Ставьте лайки или дизлайки, но тех кто ставит мне дизлайки я запоминаю, – шутливо погрозила пальцем на камеру. – Нажимайте на колокольчик, и делитесь в комментариях отзывами: получилось ли у вас, или... да конечно же у вас получится такой макияж, иначе и быть не может! Но вы всё равно пишите, и предлагайте темы для новых роликов. Пока-пока, увидимся в новом видео, которое выйдет совсем скоро!

Я завершила запись. Жаль, что сейчас нет времени на монтаж, займусь этим после пересдачи.

Перед выходом из дома мама пыталась впихнуть в меня сырники, но волнение, утихшее перед камерой, вернулось, я покачала головой, взяла такси, открыла учебник, с которым не расставалась ни в такси, ни на парах.

А затем настало время консультации. И я вошла на кафедру, не в силах перестать вспоминать, как Стася вышла отсюда минутой раньше, поправляя блузку, и держа в руке зачётку.

– А, Сафарова, – поприветствовал меня Корней Андреевич, когда я несмело подошла к его столу.

И взгляд его... он что, на мою грудь посмотрел?

Ах ты извращенец!

Я бросила на преподавателя ответный негодующий взгляд, и скрестила руки на груди.

А вот не покажу я тебе ничего!

Боже. Ну красивый же мужик. Немолодой, конечно, но и не дряхлый. В тридцать четыре года жена должна быть, и на её грудь стоит смотреть, а не студенток на такое подбивать, и не своих подчиненных.

А если у Корнея Андреевича еще и жена есть, и она не знает, какой он развратный тип? И почему он на меня так смотрит? Снова на грудь? Не насмотрелся на Стаськину?

– Севиль, вы меня слышите? Вам нехорошо?

– Вы женаты? – вырвался у меня вопрос, просто очень уж за его жену стало обидно.

– А без этой информации вы не проживёте? Ладно, хоть это и не ваше дело, отвечу: я не женат. Если вы ради этого пришли на консультацию – можете идти. Если же вы ради пересдачи – давайте уже начнём.

Начнём. А что начнём? Блузку расстегивать?

Я опустила на стул напротив стола Корнея Андреевича, липкими от волнения ладонями сжала колени. Сердце грохочет так сильно, что, кажется, весь университет слышит.

– Севиль, – кивнул мне Корней Андреевич, хотя какой он

Андреевич после того что я о нём узнала, – вперёд.

Кожу на щеках печёт, я неумолимо краснею. Что бы сказали мои предки, если бы им довелось узнать, с кем приходится дело иметь? Да любой мужчина моего рода Корнея Андреевича бы кинжалом зарезал! Папа был бы в ужасе, бабушка бы схватилась за сердце, а вот те предки, которых уже нет – они, темпераментные и строгие кавказские мужчины, точно зарезали бы негодяя!

– Севиль, вы хорошо себя чувствуете?

– Д-для чего? – проямлила я.

Корней Андреевич вздохнул, даже глаза закатил. Вот и правильно, пусть на потолок смотрит лучше!

– Вы лучше вопрос мне задайте, ладно? В смысле, по неравновесной термодинамике. А я отвечу! – протараторила я, намекая, что ни на что неприличное я не согласна.

И Корней Андреевич, к счастью, вопрос задал. Что-то там про феноменологические коэффициенты.

Ура! Домогаться не будет!

Так, я точно это учила. Более того, я повторяла эти дурацкие коэффициенты, пока Стася была на пересдаче... пока она тут грудь демонстрировала. А как это вообще происходило? Корней Андреевич тоже на Стасю вот так, как на меня, смотрел, и что дальше? Он сам сказал: «Покажи грудь, и я поставлю тебе зачёт», или это Стася предложила оголиться? Или и без слов они друг друга поняли? А может, они и переспали?

Теперь у меня не только лицо пылает, но и шея, и даже многострадальная грудь.

Так, хватит. Коэффициенты, – напомнила я себе. – Они бывают... кривые и прямые? Прямые, как этот самый стол, на котором, возможно, совсем недавно творился разврат. Или не творился, дверь-то на кафедру не закрывали, вроде. Значит, всё заняло минуту? Стася просто оголила верх, и... а сколько она вот так стояла с обнаженной грудью? Показала на секунду, и всё? Или какое-то положенное время выждала? И сколько вообще по правилам нужно мужчине грудь показывать?

Ой, нет, не буду об этом думать! Надо ответ на вопрос вспоминать – какие-то там коэффициенты... или нет? Или...

– А можете повторить вопрос? – просипела я, опустив глаза.

Корней Андреевич раздраженно повторил. А почему он раздражён? Потому что я на его взгляды-намёки не отреагировала? Или... ой, я же половину того, что он говорил прослушала! Он, наверное, и словами намекал: «Покажи, Севиль, себя. Вперёд! А я поставлю тебе зачёт!»

Мамочки!

– Вы готовы ответить?

На что? А, коэффициенты... ну я же учила! У-чи-ла! И вчера, и даже сегодня, вот, буквально минут пятнадцать назад повторяла, и именно эти коэффициенты я вызубрила и,

более того, я их понимала. А сейчас в голове лишь эти шайтановы сиськи и, почему-то, слова песни группы «Ленинград» на ту же тему.

– А можно другой вопрос? Понимаете, я учила коэффициенты, но... – я пожалала плечами.

– Другой вопрос нельзя. Подготовьтесь, и приходите через неделю, – процедил Корней Андреевич.

А не приду! – мысленно затопала я ногами. – Я сейчас-то на грани обморока, и еще раз через это мучение проходить, и в логово извращенца являться? Да ни за что!

А может... может, отмучиться сейчас? Да, неприлично, и предки меня осудят. Но я всего лишь наполовину азербайджанка, так что, может, мои предки на меня не вс время с небес смотрят, и часто закрывают глаза?

Я всего лишь покажу грудь, не более. Зато мне не нужно будет больше зубрить всю эту дрянь, то есть, термодинамику, приходиться на унижительные пересдачи. И теряться, чувствуя тяжелую мужскую энергетику Корнея Андреевича мне тоже не придется. Хоп – разделась; хей – оделась; ла-ла-лей – зачёт проставлен, и я забуду всё это как постыдный сон.

Да?

Да.

– К-корней Андреевич, – я, решившись, поднялась со стула. – Я, – прикусила губу, дрожащими холодными пальцами впиалась в верхнюю пуговку, чуть сминая кремовый шёлк блузки, – я... может, я... давайте, я... в общем, я тоже могу

показать вам грудь! Но только показать, ладно? – я зажмурилась и, раз уж решилась, принялась расстегивать блузку. Если остановлюсь, если задумаюсь хоть на минуту, я точно в обморок грохнусь, или с визгом сбегу. – Ни на что другое я не согласна, хорошо? Я просто покажу вам, оденусь, вы поставите мне зачёт, и я уйду. Договорились?

Глава 3

Подруги заливаются смехом, их лица покраснелись, Яся даже слезы утирает. А я брови хмурю осуждающе, глядя на это безобразие и воплощение предательства.

– Девушки, можно потише, – шикнули на нас с соседнего столика, и я не смогла не поддержать незнакомку, кивнула, всем видом показывая подругам, какие они невоспитанные.

А эти змеюки еще громче расхохотались, постанывая при этом.

– Если что, я вас не знаю, – буркнула я обиженно.

– Ой, умора! Как п-перестать смеят-ться? Живот уже б-болит, – всхлипывая смогла произнести Яся.

Роксана глубоко вдохнула, надула щеки, задержала дыхание, но... губы её задрожали, и они снова принялись хохотать. А на нас, кстати, уже администратор антикафе грозно смотрит!

– Девочки, блин, – шикнула я.

– Прости, – простонала Роксана. – Но это такой пипец! Севилька, ты такой чудик!

– Давайте я покажу вам сиськи за зачёт, – вытирая новую порцию слез прохотала Ярослава.

– Я не так ему сказала!

– Угу, ты еще и раздеваться начала. Ну, Севиль! Ну, скромница!

– Ай, ну вас. Знала бы, что вы так отреагируете – в жизни бы не поделилась с вами, – я скрестила руки на груди и отвернулась к окну, окончательно разобидевшись.

– Севилька. Ну Севиль! Ладно тебе, не дуйся.

– Прости нас, дуры мы, но, – Роксана хихикнула, быстро зажала себе рот ладонью, и спустя пару секунд продолжила, – но мы просто не ожидали, что ты можешь так отжечь.

Я – ноль внимания на предательниц. Смотрю за окно, на улицу, вся скорби преисполненная. Как мне теперь в университет идти? Ветров со вторника у нас теорию разрушения будет вести и, кажется, еще один предмет. О, ужас!

Может, отчислиться? Сейчас этот вариант мне кажется привлекательным, даже несмотря на то, что папу и дедушку это убьёт. Но мучительнее их убьёт понимание, какая я испорченная, так что отчислиться будет более гуманно.

Да! Отчислюсь, скажу Эльнуру, что не нужно ждать со свадьбой до окончания университета. Свадьбу сыграем, сяду дома, буду долму мужу крутить и детей рожать. Может, их я правильно смогу воспитать.

Прокрутила эти мысли, и носом шмыгнула – так жалко себя стало!

– Севилька, прости, прости, прости, – Яся пересела на мой диванчик, Роксана обошла меня со спины, и обе кинулись обниматься. – Давай мириться!

Я фыркнула. Моя вера в женскую дружбу отныне мертва.

– Ну хочешь,ними уже видео как ты нас красишь, и вы-

ложи ролик на свой канал. Только не обижайся. Согласна? – жалобно спросила Роксана.

– Ладно, – проворчала я. – Постараюсь не обижаться на вас.

– Точно проехали?

– Посмотрим, – дернула я плечом. И ойкнула от щипка. – Да всё, всё, прощаю я вас.

Мы с подругами еще немного похихикали, сделали селфи, и они расселись по своим местам.

– Ты хоть Стасе вломила за её шуточки? – воинственно спросила Ярослава, возвращаясь к теме дня.

Вместо ответа я печально вздохнула.

– Надо ей отомстить. Серьёзно, так нормальные люди не поступают. Это подстава!

– Ясь, но она же не заставляла меня предлагать всякое Корнею Андреевичу. И раздеваться тоже не заставляла. Я всё сама.

– Как ты вообще могла в этот бред поверить?

– Не знаю, – спрятала я пылающее лицо в ладонях. – Сначала не поверила, а потом... правда, не знаю, девочки. Разволновалась из-за того что предмет не понимаю, из-за передач этих, из-за того что папа и дедуля могут узнать что я неуч. Еще и срок сдать хвосты – до конца месяца дан, преподаватель новый, опять же, и Стася еще напела мне... Короче, я сама в шоке, но в тот момент я ей поверила. И подумала что легче перенести пару минут позора, постояв без

лифчика, чем документы забирать из универа. Ой, ужас, – с ужасом прошептала я на вдохе.

Я же и правда начала раздеваться. И Корней Андреевич меня не останавливал, смотрел, хмурился... а потом в три шага ко мне подошёл, я даже испугалась, перестала пуговицы расстегивать. Даже мысль мелькнула, что сейчас меня будут грязно домогаться, и хорошо бы убежать.

Но увы, я не убежала. Стояла, замерев как кролик перед удавом. Глазами хлопала – дура душой.

– Кстати, а что там дальше было? – вырвала меня из воспоминаний Яська. – А то у меня истерика началась после того, как ты сказала что предложила преподу грудь показать, и начала раздеваться.

– Угу, интригу повесила, и в кусты. А мы – мучайтесь от любопытства, – поддакнула Рокси.

– А нечего было смеяться надо мной. Ладно, – вздохнула я, – хотите знать, что было дальше? Дальше был еще больший позор. Хотя, кажется, куда уж больше, да?

Когда Корней Андреевич подошел ко мне – я продолжила стоять, руки вцепились в пуговку в районе талии. Меня потряхивало то ли от ужаса, то ли от своей лихой смелости, то ли от пикантности всей ситуации – сама не знаю, от чего именно, но дрожала я как цыплёнок. И всерьез готовилась в обморок грохнуться.

А затем Корней Андреевич сжал мои ладони, заставил меня выпустить пуговицу из пальцев. Будет раздевать сам, –

подумала я, и ошиблась.

Мужское прикосновение обожгло кожу на моём животе. Ещё и тишина между нами – густая, тёмная – она всё сильнее меня смущала, но я ничегошеньки не могла сказать, голос отказал. Дышала-то через раз! Дрожала, краснела, сглатывала нервно... а потом поняла, что мужчина меня не раздевает. Он меня одевает! Пуговицу за пуговицей застегивает – быстро, ловко, снизу-вверх, к вороту, в злом молчании.

– А что было потом? – Яся прижала ладони к щекам.

– А потом он меня за плечи обхватил, развернул, и довёл до выхода из кабинета. И только тогда сказал... сказал... – я «дала петуха», и раскашлялась от волнения.

Ну как же обидно! Даже не знаю, что меня сильнее задело.

– Что он сказал-то?

– В подобном я не нуждаюсь – вот что, – пропищала я.

Угу, так он и сказал. Холодно, презрительно. Прощедил, отошел от меня, подал мою сумку, и выставил вон. А я даже объяснить ничего не могла – онемела в тот момент. Сразу в голове прояснилось, и я поняла очевидное – Стася надо мной недобро пошутила, а я в эту дурь из-за стресса свято уверовала как полная лохушка.

– Козёл этот Корней Андреевич! – возмутилась Яся.

– Мудак, – припечатала Роксана. – Но зачёт-то поставил?

– Держи карман шире. Нет, конечно, – я жалобно суксилась. – Девчонки, я без понятия, что теперь делать: идти и каяться перед ним, или через декана договариваться о зачё-

те, или вообще отчисляться.

– А ты не пыталась вернуться на кафедру, и объясниться?

Конечно же нет. Оказавшись в коридоре, я припустила к женскому туалету, в котором заперлась, рыдала, и жалела себя. А потом подумала, что не только я должна себя жалеть, у меня для этого лучшие подруги есть, и позвонила им.

– А ты поговори с ним на паре. Задержись, подойди к нему, и объясни всё, – предложила Яся.

– А если сказать не можешь – записку передай. Или электронку напиши, – кивнула Роксана.

– Или на кафедру подойди.

– На парковке можно его поймать еще.

– Или в фирму его съездить, он же в универе не на полной ставке. Запишись на приём у его секретаря, и толкни ему речь.

– Хотя... а почему это ты должна извиняться! – задумчиво пропела Роксана, будто не она пару секунд назад накидывала мне идеи с покаянием. – Вообще-то, он мог бы и поласковее с тобой обойтись.

– А ведь правда. Гадость сказал, выгнал, а ты перед ним раздевалась. Может, ты вообще влюблена в этого Корнея, потому и решилась на такой шаг.

Чем больше я слушала подруг, тем сильнее мне было за себя обидно. А вот не хочу я каяться! Извиняться в моём случае – это еще сильнее позориться.

Я поступлю иначе!

КОРНЕЙ

В родительском доме я редкий гость. Каждый раз, приезжая, чувствую дискомфорт из-за редких визитов, и обещаю себе быть внимательнее. Но едва выхожу за порог – меня затягивает работа, и лишь когда мама звонит, и буквально плачет в трубку, я вспоминаю о сыновних обязанностях: приехать, привезти ей цветы, отцу презентовать бутылку «Мартея», послушать обоих, покивать на вопросы о внуках.

– Мама, – я вручил ей букет, и склонился, принимая поцелуй в щеку.

– Спасибо, родной. Чудесные цветы. Ты проходи, не стой на пороге. Ой, ты так похудел, сынок, как обычно, плохо питаешься? А всё работа твоя! Скоро прозрачным станешь. И женщины рядом нет, чтобы проследила. Ну ничего, сейчас я тебя накормлю, я столько всего наготовила... И с собой дам контейнеры обязательно... нет, ну как же сильно ты исхудал...

Пока я шел за мамой в гостиную, слушал привычные причитания. По опыту знаю: спорить сейчас бесполезно, маме не доказать, что я не похудел, а наоборот еще сильнее набрал мышечную массу, и что питаюсь я более чем отлично.

– Андрей, сын приехал, – крикнула мама, и закатила глаза. – В кабинете всё сидит. Книгу уже три месяца как написал, но до сих пор редактирует, скоро с ума меня сведёт. Андрей! Да иди же сюда! – мама еще сильнее повысила голос,

не прекращая суетиться в гостиной. – А ты садись, мой хороший. Ой, нет, сначала руки мыть!

– Так точно, – ответил я и, посмеиваясь, пошел в ванную. А когда вернулся, отец уже находился в гостиной.

– Надо же, кто пожаловал, – папа протянул мне руку, которую я пожал. – Я уже думал записываться к тебе на прием через секретаря. Или в университете время консультации узнавать, чтобы к тебе прийти.

– Только не на консультацию, – хмыкнул я, вспомнив вчерашнее безобразие с Сафаровой. Как и любой мужчина, занимающийся бизнесом, я повидал много девушек разного сорта. Но еще ни одна не раздевалась передо мной с видом великомученицы.

Интересно, а что это вообще было? Вчера я не спросил, разозлился, и просто прогнал Севиль. Если бы в момент её стриптиза на кафедру вошёл хоть кто-то – у меня были бы большие проблемы. И я не про увольнение из университета, а про репутацию и скандал.

Но всё же мне интересно: что заставило эту студентку с глазами Бэмби вести себя подобным образом?

– Что, студенты уже достали? – «понимающе» кивнул отец. – Ну ничего, привыкнешь.

– Я согласился на эту работу на семестр. Привыкать не придется.

– Сначала на семестр, потом на еще один, а там и не заметишь, как втянешься. И за докторскую возьмёшься, нако-

нец, – отец сел на любимого конька, но ему, в отличие от матери, совесть мне позволяет возразить.

– Докторскую я писать не буду. Мне и кандидатская не пригодилась.

– Посмотрим, – пожал плечами папа.

– Так, не спорьте, дорогие мужчины. Давайте ужинать, – мама поставила передо мной тарелку, на которую я и переключил внимание. – Но я тоже хочу высказаться: у Корнея бизнес столько сил отнимает, а теперь еще и работа со студентами добавилась. Ну и зачем? Откуда сыну столько времени взять, чтобы всюду успевать? Немудрено, что он так исхудал.

– В компанию можно нанять управляющего, а самому сконцентрироваться на преподавании, – заспорил отец.

Иногда это забавно – наблюдать за их спорами, я в любом случае всегда поступаю как сам того хочу. И потому на вопросительный взгляд родителей я коротко сказал:

– Как и договорились, я преподаю один семестр, принимаю экзамены и зачёты, и ухожу. К декабрю Андреев должен найти подходящую замену, – напомнил я про совместный на троих разговор с ректором – отцовским другом.

Когда-то этот мужчина выручил меня, и я не смог отказать ему в просьбе взять несколько предметов. Да и самому было интересно себя проверить: смогу ли я не командовать, как привык на работе, а учить? Во время учёбы в аспирантуре я преподавал, но за давностью лет те впечатления стёр-

лись. Именно поэтому я и согласился на семестр преподавания. И опыт уже начал получать. Очень своеобразный опыт со взятками: то сорокасантиметровую стопку бумаг мне за зачёт предлагают, то неумелый стриптиз устраивают – и всё это одна студентка.

– Вот и правильно. Один всю жизнь отдал науке, – мама кивнула на отца, – хоть сын в своё удовольствие пусть поживёт!

– Корней вполне может получить удовольствие от работы в университете. Студенты умные, студентки – красивые, – подмигнул папа, на что получил хмурый мамин взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.